

комиссии. Но Тверская комиссия „Трудов“, подобных „Трудам“ других архивных комиссий, не издавала (она ограничилась выпуском „Журнала заседаний“). Тем не менее, И. А. Иванов был прав: в 1902 г. в Твери вышли в свет „Воспоминания княгини С. В. Мещерской“ (Тверь, 1902, VIII, 21 стр.).

Княгиня Софья Васильевна Мещерская, урожденная княжна Оболенская, родилась 24 января 1822 г. и умерла 3 июня 1891 г.¹ Она была дочерью кн. Екатерины Алексеевны Оболенской, рожденной Мусиной-Пушкиной (1786—1875),² и кн. Василия Петровича Оболенского (1780—1834).³ Таким образом, кн. С. В. Мещерская действительно приходилась внучкой гр. А. И. Мусину-Пушкину.

Эпизод, сообщенный И. А. Ивановым в заседании Славянской комиссии 6 января 1912 г., находится в „Воспоминаниях“ кн. Мещерской на стр. 10—11 и изложен так:

„1812-й год надвинулся и тревожно отразился на всех. Уезжая на лето в Ярославское имение, когда уже предвиделось вторжение Наполеоновских полчищ в Россию, но еще казалось невозможным поражение Москвы, граф из предосторожности убрал драгоценные свои коллекции и рукописи в кладовые. Они помещались в подвальном этаже со сводами и, по приказанию графа, вход в них замурован. Когда неприятель уже подвигался за отступающими нашими войсками, граф послал несколько подвод для вывоза из дома всего, что можно; картины были вынуты из рам и скатаны, серебро и мраморные изваяния уложены,— много хорошего, но и много без всякой цены было перевезено в деревню. До запертых кладовых уже не посмели дотронуться.

Несколько семей дворовых людей остались при доме.

Когда французы вошли в Москву, многие из них поместились в Пушкинском доме и обратались с людьми графа. Раз в нетрезвом виде друзья французы хвастались своими ружьями.

«Такие ли у нашего графа? гораздо лучше!» — «Где-же?» —

«Да вот тут за стеной».

Стена была пробита и все разграблено, а позже окончательно погребло в пожаре.

С христианским чувством покорности воле божией, перенес граф потерю своих драгоценных коллекций, собранием которых занимался в течение всей своей жизни.

Некоторые рукописи, как то: подлинное „Слово о полку Игоря“ и часть Несторовой летописи были спасены от гибели тем, что находились в то время у историографа Карамзина“.

Из приведенного отрывка явствует, что перед нами семейное предание, в нем есть какая-то доля истины и какая-то доля фантазии. Обращает на себя внимание утверждение мемуаристки, будто „подлинное Слово о полку Игоря и часть Несторовой летописи были спасены от гибели тем, что находились в то время у историографа Карамзина“. Ошибка ли это памяти или семейная традиция, сказать трудно. Во всяком случае, забыть эту версию о спасении „Слова“ едва ли следует.

¹ Газетный отчет „Московских ведомостей“ был перепечатан в „Прибавлениях к выпуску 46-му Известий Императорской Археологической Комиссии“, 1912, стр. 4.

² *Русский провинциальный некрополь*. М., 1914, т. I, стр. 549. *Небольшая биография С. В. Мещерской* написана кн. А. Мещерским и приложена к ее „Воспоминаниям“, стр. I—VIII.

³ *Московский некрополь*. СПб., 1908, т. II, стр. 354.